

Усадьба как образ бытия человека культуры: И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, С.А. Есенин и другие: рецензия на книгу М.В. Скороходова¹

Представлена рецензия на книгу М.В. Скороходова «Помещицья усадьба в русской литературе конца XIX — первой трети XX века: междисциплинарный подход» (М.: ИМЛИ РАН, 2020). Проанализирован опыт М.В. Скороходова по изучению и описанию феномена русской усадьбы на материале произведений С.А. Есенина, Н.А. Клюева, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева и др. Для решения этой задачи применен междисциплинарный подход, позволяющий привлечь терминологический аппарат искусствоведения и географии. Впервые автором определена и сформулирована миссия литературного музея, его функции.

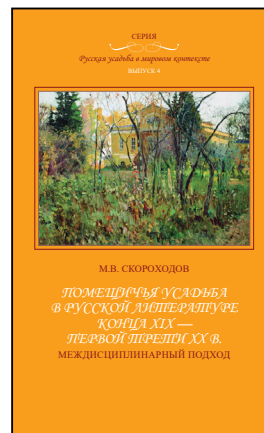
Ключевые слова: усадьба, феномен, миссия, литературный музей, междисциплинарное исследование.

The review of the book by M.V. Skorokhodov "The manor in Russian literature of the late 19 — first third of the 20th century: An interdisciplinary approach" (Moscow, 2020) is presented. The review analyzes M.V. Skorokhodov's attempt to describe and study the phenomenon of the Russian estate based on the works of S.A. Yesenin, N.A. Klyuev, I.S. Shmelev, B.K. Zaitsev, etc. To solve this problem, the author applies an interdisciplinary approach that allows to involve the terminological apparatus of art history and geography. For the first time, the author defined and formulated the mission of the literary museum.

Keywords: manor, phenomenon, mission, literary museum, interdisciplinary research.

Научная монография написана старшим научным сотрудником ИМЛИ РАН М.В. Скороходовым и посвящена изучению феномена помещицкой усадьбы в русской литературе в самых различных аспектах: литературоведческом, культурологическом, географическом и искусствоведческом. Использование междисциплинарного подхода позволило комплексно проанализировать феномен русской помещицкой усадьбы конца XIX — первой трети XX в. Это обусловило прежде всего новизну данной монографии, хотя в сугубо литературоведческом ключе рассмотрению русской усадьбы уделено совсем немного внимания. Комплексный, междисциплинарный подход выводит исследование на новый, современный уровень: он позволяет рассмотреть не только литературные «отражения» топоса усадьбы, но и культурно-географический контекст, что дает возможность представить русскую усадьбу и как текст, и как культурно-географическое пространство одновременно. «Комплексное изучение усадебного мира, рассмотрение его воздействия на литературный процесс, характеристика литературных усадеб, оказавших существенное влияние на мировосприятие писателей и отразившихся в их художественных текстах, переписке и мемуарах, — все это диктует необходимость применения междисциплинарного подхода» (с. 16)². При этом справедливо отмечается, что литературное отражение усадьбы нередко формирует ее культурное пространство.

Процесс взаимосвязи литературного и культурного пространств убедительно показан при обращении к усадьбе Ясная Поляна, где жил Л.Н. Толстой. «Литературный ландшафт Ясной Поляны — пространство, связанное с жизнью Л.Н. Толстого, отразившееся в его

Скороходов, М.В. Помещицья усадьба в русской литературе конца XIX — первой трети XX века : междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2020. — 272 с. — (Русская усадьба в мировом контексте ; вып. 4).

Skorokhodov, M.V. Landowner's estate in Russian literature of the late XIX — first third of the XX century : an interdisciplinary approach : monograph. — Moscow : IMLI RAN, 2020. — 268, [2] p. — (Russian estate in the world context ; Iss. 4). ISBN 978-5-9208-0637-6

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-00665).

² Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

творчестве, детально описанное в воспоминаниях и исследованное специалистами, — расширяется до культурного ландшафта благодаря работам многочисленных художников, запечатлевших образы усадьбы, ее жителей и окрестности» (с. 33). Несомненно, что работы живописцев, изображающие усадьбу, можно рассматривать параллельно с литературным образом этой усадьбы. Произведения живописцев помогают восстановить литературное окружение Л.Н. Толстого. Интересно взаимодействие этих разных пластов — литературного и культурного. Именно такие новые научные горизонты отображения открывает и одновременно реализует монография. Как отмечает М.В. Скороходов, «важно проследить, как ландшафт, приметы быта, характерные для конкретной территории топонимы отразились в литературном творчестве. Исследователи наследия писателей, а также широкий круг туристов отправляются в те места, где жили писатели, где написаны ставшие заметными явлениями отечественной и мировой словесности художественные произведения, поскольку погружение в литературный ландшафт позволяет глубже проникнуть в творческую лабораторию авторов» (с. 39).

Говоря о топосе усадьбы, автор убедительно разводит дачный и усадебный топосы. Традиционные для усадьбы элементы описания, такие как сад, калитка, дом, характерные пейзажи, отличаются от составляющих дачной жизни. В монографии актуализировано понятие *достоприимательного места*, позволяющее определить значимую роль литературных усадеб, которые не являются еще музеями, но важны для сохранения русской национальной идентичности.

Книга интересна также тем, что в ней восполняются и конкретные лакуны в исследовании усадебного топоса таких писателей, как, например, Н.А. Клюев, С.А. Есенин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев.

Автор справедливо отмечает, что для творчества Н.А. Клюева в исследовании усадебного топоса важную роль играли прежде всего не реальные впечатления от посещения усадеб, а литературная традиция. Н.А. Клюев ориентировался на опыт А.С. Пушкина и Н. Кольцова. В произведениях русской классики мир усадьбы во многом мифологизирован:

Все составляющие усадебного комплекса являются своего рода символами, каждый из которых имеет свое семантическое наполнение, наблюдается своего рода мифологизация как усадебного пространства в целом, так и составляющих его объектов. Например, аллеи и беседки становятся символами мечтаний о любви, местом романтических встреч, уединенных разговоров (с. 80).

Н.А. Клюев унаследовал эту традицию в своем творчестве и выделил среди важнейших концептов образ усадебного сада. Он проанализирован в стихотворениях «Старый дом зловеще гулок...», «Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад...», «Вы обещали нам сады...», «Вы деньки мои — голуби белые...» и др. В основном топос сада связан у поэта с образом рая, недаром он назван «золотым». Однако встречаются в его поэзии и строки трагических предчувствий о судьбах помещичьего сада в будущем («Жильцы гробов, проснитесь! Близок Страшный Суд!...»). В послеволюционных произведениях по социальным причинам поэт отталкивает усадебные топосы.

Для С.А. Есенина, наоборот, точкой отсчета и ориентиром в освоении усадебной темы стали личные впечатления. Так, в усадьбе Константиново поэт любил смотреть из окна второго этажа своего дома, откуда открывался прекрасный вид на Оку. Эти впечатления отразились в стихотворениях «Не видать за туманною далью...», «Заглушила засуха засевок...» и др. Особое место в них уже занимает топос окна. Значение этого образа варьируется в разных контекстах у С.А. Есенина. Например, это и образ, напоминающий о детских впечатлениях дома в Константиново, и символ родного пространства как такового, и граница между видимым и невидимым мирами. М.В. Скороходов подробно анализирует и семантику образов окон городских квартир, где проживал С.А. Есенин, и впечатлений от увиденного из окна поезда. Особое значение для рассмотрения мотива окна играет и мотив света, нередко лунного, проникающего через окно. Он связан прежде всего с желанием обрести любимую девушку («Песня»).

Значение границы между двумя мирами у С.А. Есенина выполняет и топос калитки, ведущей во двор усадьбы. А наиболее значим для усадебного текста образ сада, напрямую связанный с интерпретацией модели русского мира. Это хорошо показано в монографии на примере анализа поэмы «Анна Снегина», где в полифоническом единстве отражена взаимосвязь бытия крестьянского и помещичьего миров.

Две модели «русского мира» — помещицья и крестьянская — на протяжении нескольких столетий развивались параллельно и были неотделимы друг от друга. Есенин, творчество которого пришлось на период ломки традиционного уклада, показал как сходство, взаимное переплетение, так и различия этих моделей, трагические процессы их утраты (с. 150).

Ломка традиционного уклада показана и в произведениях такого «традиционалиста», как И.С. Шмелев. М.В. Скороходов анализирует такие произведения автора, как повесть «Стена» и роман-эпопея «Солнце мертвых». В повести «Стена» ярко и убедительно показан характерный для 1910-х гг. процесс гибели усадебных гнезд. Тавруевская усадьба отдана под дачи. И, будучи в прошлом уютным домашним очагом, в настоящем текста она становится очагом разврата. Гибнет и главный усадебный дом в результате поджога. Само название повести — «Стена» — постепенно становится не только образом распада традиционного уклада, но и образом-мифом. Процесс разборки стены из кирпича, поисков его практического применения обыгрывается автором и выделяет сам образ как лейтмотивный, наполненный мифологическим значением. Ведь недаром именно под стеной неоднократно погибают персонажи этой повести. И в то же время только после разрушения стены усадьба окончательно гибнет. Тема гибели усадебных гнезд продолжена и в самом трагическом произведении И.С. Шмелева — «Солнце мертвых». Хотя писал его Шмелев в Грассе, он касается самого дорогого — гибели Крымской земли. Крым был для Шмелева родным, ведь здесь, на «Вилле роз» — даче Е.Н. Тихомировой, в 1918 г. он пишет «Неупиваемую чашу», а в 1920 г. покупает участок земли на Горной улице с помощью своего друга, проф. И.М. Белоруссова, страшную гибель которого в Крыму он опишет в «Солнце мертвых». В этом небольшом домике Шмелев прожил три года, общаясь и с другими хозяевами усадеб, — ведь трудно назвать их дачами. Это прежде всего относится к дачам академика А.Н. Бекетова и его семьи. В одной из них, по улице Набережная, 2, в Профессорском уголке, в 1993 г. открыт музей И.С. Шмелева. Дачи О.С. Соловьевой, П.И. Махлиса, Н.А. Головкинского, А.Е. Голубева, Н.А. Умова и др. были памятниками архитектуры и, конечно, скорее усадьбами, чем дачами. Сохранена была и структура усадьбы. О разрушении этого чудного Профессорского уголка М.В. Скороходов убедительно пишет в своей монографии.

Отдельного внимания заслуживает и ценное приложение к монографии «Миссия литературного музея и музея-усадьбы», где впервые четко сформулирован важный тезис о том, что целью существования музея является не только хранение коллекций и артефактов, но и восстановление и показ культурной составляющей усадебной жизни (с. 215).

Таким образом, данная монография представляет собой очень актуальное и современное серьезное исследование, восполняющее лакуны в изучении усадебной темы в литературе и предлагающее новые междисциплинарные подходы, которые учитывают рассмотрение усадебного топоса в пространстве и на языке смежных наук — географии, искусствоведения и др.

Коршунова Евгения Александровна,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Korshunova Evgeniya A.,

Doctor of Philology, Leading Researcher
Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad;
Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy

e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

